

училищ и гимназий). Постепенно в него вовлекалось всё большее число представителей местных народов. Обучение на русском языке усиливало его роль в межэтническом общении, что в свою очередь ускоряло политическую и культурную интеграцию региона в общероссийский государственный организм.

Однако наиболее важным для межкультурного диалога было взаимодействие на низовом, общинном уровне. Коренные этнодемографические изменения в регионе привели к тому, что группы славянского и горского населения стали жить в близком соседстве, рядом, порой чересполосно. Это сделало естественным и неизбежным соприкосновение и взаимовлияние их бытовых устоев в самых разных сферах жизнедеятельности. Судя по приведённым в книге данным, основной поток заимствований воспринимался аборигенными культурами, однако в ряде случаев русские также являлись реципиентами. При этом если кавказцы перенимали преимущественно новации в области ведения хозяйства и производственных

отношений, то славяне усваивали прежде всего поведенческие нормы и традиции (куначество, местные формы гостеприимства, черты семейного уклада) и те элементы быта, которые соотносились с престижным кавказским молодецеством и удалством (черкеска, холодное оружие и т.д.).

В результате в регионе начала складываться своеобразная симбиозная славяно-кавказская культура, которая была одинаково близка и понятна обеим группам населения. Несмотря на имевшиеся сложности взаимоотношений, она стала основой для дружбы и сотрудничества, характеризовавших горско-славянское соседство на Кавказе. В последнее время начали звучать рассуждения о «ментальной несовместимости» русских и кавказцев, о невозможности их совместного проживания в пределах одного государства, об исконном противостоянии их культур. Монография М.Г. Кулешина и П.Г. Немашкалова является достойной отповедью этим безответственным заявлениям.

Ю.Д. Анчабадзе

В.Л. Кожевин. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011. 260 с.

На рубеже XX–XXI вв. в российской историографии произошло становление новой научной отрасли – военно-исторической антропологии¹. Этой исследовательской парадигме следует в своей книге и В.Л. Кожевин. По его словам, «данная дисциплина занимается исследованием всего многообразия человеческого опыта, индивидуального и коллективного мышления и поведения, содержание и характер которых обусловлены социокультурным контекстом войн и вооружённых конфликтов» (с. 9). При этом «феномен войны... оказывается своего рода призмой, через которую исследователь пытается бросить взгляд на всю историю человеческой культуры». Сам же «означенный подход предоставляет хороший шанс всесторонне и системно объять мир человека, приблизившегося к той черте, за которой остаётся только смерть» (с. 10). По справедливому

утверждению автора, «тот, кто участвовал в войнах или просто активно готовился в будущем стать военным, через какой-то срок приобретал качества, отличавшие его от штатского человека. Особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения выделяют военных из общей массы людей. Таким образом, военно-историческая антропология задаёт угол зрения, обусловленный признанием особого типа личности, сформированного войной» (с. 10). С этих позиций Кожевин и рассматривает судьбу российского офицерства на трагическом и переломном этапе истории Отечества. Главным объектом его исследования является «система ценностей офицерства в контексте его общественно-политической активности, фронтового и тылового быта», а «важнейшим результатом выступает реконструкция интегральной карти-

ны поведения русского офицерского корпуса накануне и в условиях Февральского революционного взрыва» (с. 2).

Рецензируемая монография является результатом многолетних исследований и раздумий автора о жизни и социальном поведении офицерства на протяжении крайне драматического для русской армии периода революции 1917 г. И хотя отдельные аспекты этой темы в разной степени находили отражение в трудах отечественных и зарубежных историков, её изучение по-прежнему остаётся актуальным и вызывает неослабевающий интерес. Кожевину ставятся и решаются сложные вопросы методологического характера, реализуются современные исследовательские практики и подходы, ещё недостаточно апробированные в различных военно-исторических исследованиях. Наконец, в его книге представлена оригинальная научная концепция, охватывающая «жизнь сознания» и социальную активность не одного лишь офицерства, но и тех общественных групп, с которыми взаимодействовал командный состав русской армии в революционной обстановке. «Долгий» Февраль, «протяжённость которого в историческом времени офицерской корпорации отнюдь не ограничивалась февралём–мартом 1917 г.» (с. 9), длится в книге до Октября и рассматривается автором в качестве «своеобразного переходного периода в истории российского офицерства как особой социальной группы» (с. 259).

Основное содержание монографии, согласно замыслу Кожевина, представляет собой не столько анализ событий 1917 г., сколько попытку осуществить исследовательский синтез, объединяющий в повествовании и «жизнь сознания», и конкретные действия офицерства. Поэтому историк уделяет пристальное внимание проявлениям коллективного сознания (ценностям, нормам, стереотипам мышления), а также стандартным и неординарным формам социального поведения и деятельности, сформировавшимся в офицерской среде задолго до революции. Характеризуя корпоративную ментальность военных и прослеживая её выражение в поступках офицеров, Кожевин вынужден углубляться в прошлое. Своё исследование он начинает с очерка ис-

тории российской военной школы конца XIX – начала XX в. и описания особенностей традиций неформального поведения кадетов и юнкеров, их устойчивых представлений и обычаев. Автор видит в них признаки ранней социализации будущих офицеров и отражение общекорпоративных ценностей.

В работе раскрывается структура взаимоотношений и специфика взаимодействия в армейских коллективах, как среди офицеров, так и между ними и нижними чинами; особо рассматриваются контакты военнослужащих с представителями штатской интеллигенции. Собственно «офицерская идеология» (или даже «квазиидеология»), по мнению автора, в силу различных исторических обстоятельств так и не обрела полноценной формы и «на деле обеспечивала лишь потребности взаимодействия офицерства с внешним миром, и в первую очередь – позволяла осуществлять диалог с общественностью» (с. 74). Религиозное самосознание офицеров было тесно связано с их монархизмом и патриотизмом. Между тем, как показывает Кожевин, отношение к императору (и как к монарху и вождю армии, и как к конкретному человеку) в офицерской среде могло существенно различаться, несмотря на общие корпоративные установки.

Рассматривая формы социальной адаптации и попытки политической самоидентификации офицерства в условиях Первой мировой войны, Кожевин указывает на изменения, происходившие в коллективном сознании офицерства в связи с его массовым пополнением людьми, ранее чуждыми военной службе. Тем не менее нельзя не согласиться с автором в том, что ценностные установки довоенного времени играли в офицерском обществе определяющую роль вплоть до 1917 г. Изменение социально-психологических характеристик солдатских масс в ходе войны привело к тому, что накануне революции 1917 г. взаимоотношения офицеров и нижних чинов русской армии переживали острейший кризис, преодолеть который так и не удалось.

В главе «Офицерство и солдатские массы в февральско-мартовские дни 1917 г.» показаны разрушение и видоизме-

нение социальных связей и субординации в войсках в начальный период революции, а также прослеживаются закономерности развития революционного процесса в военной среде. Кожевин сопоставляет события этого времени в «Балтийском треугольнике» (Петроград, Кронштадт, Гельсингфорс) и в Москве, анализирует восприятие революции и её ближайших последствий различными группами офицеров. По его мнению, впечатления, произведённые революционным взрывом и первыми преобразованиями, начатыми Временным правительством при участии различных политических партий, вызвали в офицерской среде поиск новой социальной идентичности.

Согласно авторской концепции, поиск этот продолжался несколько месяцев и к началу осени 1917 г. обернулся довольно противоречивыми результатами. Специфика офицерской психологии, корпоративных норм и ценностей не позволяла военным целиком встать на позиции какой-либо партии, отдельные их группы ориентировались на самые разнообразные политические силы. При этом поведение офицеров и штатских политиков значительно отличалось. Об этом свидетельствовали и офицерские съезды в Петрограде и Могилёве, и деятельность общественно-политических организаций, созданных офицерами для обеспечения своих корпоративных интересов и полноценного участия в жизни страны.

В кругах офицеров, выступавших против левых общественных течений, как отмечает Кожевин, постепенно сформировались предпосылки для возникновения той идеологии, которая позднее будет характерна для военно-диктаторских

режимов эпохи Гражданской войны. Так, в «Быховской программе» автор видит синтез офицерской ментальности и опыта, приобретённого командным составом армии за несколько месяцев революции. Создание этого документа, по словам Кожевина, «стало важным рубежом эволюции политического сознания офицерства в 1917 г.» и «ознаменовало фактическое окончание своеобразного переходного периода в истории российского офицерства как особой социальной группы» (с. 259).

Широкий и разнообразный круг источников, а также следование системному и историко-антропологическому подходам и требованиям историзма и междисциплинарности во многом обеспечили успех работы Кожевина. Вместе с тем деятельность офицеров в Советах рабочих и солдатских депутатов и в комитетах общественной безопасности ещё нуждается в специальном исследовании. Никак не освещена в книге и позиция той части офицерства, которая «в поисках новой идентичности» разошлась по «национальным квартирам» и видела в национализме выход из тупика, порождённого разложением русской армии. В целом же выход монографии В.Л. Кожевина открывает новую возможность для продолжения плодотворных дискуссий о судьбах России и её народа в XX в.

Е.С. Сенявская

Примечание

¹ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

В калейдоскопе русской смуты*

Часто говорят, что новейшая история России похожа на минное поле – столько в ней болезненных и буквально взрывоопасных вопросов. На этом поле петербургский историк А.С. Пученков нашёл для себя, пожалуй, самый опасный участок: национальный вопрос в годы Граждан-

ской войны. Не случайно в предисловии к рецензируемой монографии классик современной петербургской исторической школы Ю.Г. Алексеев отметил: «Немало страниц книги посвящены проблемам, которые как будто переносят нас из прошлого в настоящее: отношения России, –

* *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина. СПб.: Полторак, 2012. 338 с.